

Мусульманское крымскотатарское приходское «наследственное» духовенство в конце XVIII — начале XX в.

Ильдус Загидуллин

**Muslim Crimean tatar parish «hereditary» clergy
in the late 18th — early 20th centuries**

Il'dus Zagidullin

*(Center of Islamic Studies, Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X23010066, EDN: POFMAI

На формирование государственно-исламских отношений в Российской империи, в том числе на учреждение религиозных управлений¹ в анклавах с мусульманским населением, оказывал влияние целый ряд факторов: геополитические условия, время присоединения этих территорий к России, степень лояльности местного населения к новой власти, уровень общественного развития и культуры и др.

Присоединение Крыма в 1783 г. сформировало новую модель государственно-исламских отношений в империи. В этой связи изучение истории мусульманского крымскотатарского духовенства представляет несомненный интерес в плане выявления общего и особенного в функционировании исламских институтов в Тавриде по сравнению с другими мусульманскими анклавами страны.

В начале XX в. эта тема затрагивалась в публикациях И.Ф. Александрова и А. Кричинского². Приметой советской эпохи явилось свёртывание научных изысканий по исламским институтам и откровенно атеистический характер публикаций. В работах современных историков сюжеты о крымскотатарском духовенстве излагаются в рамках изучения более крупных или смешанных научных проблем. В частности, в монографии и сборнике документов, подготовленных Д.Ю. Араповым, данная тема рассматривалась в контексте освещения

© 2023 г. И.К. Загидуллин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан, проект № 17-11-16011.

¹ В Российской империи были учреждены всего четыре религиозных управления мусульман. В 1788 г. появилось Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС), в 1831 г. — Таврическое магометанское духовное собрание. В 1872 г. были образованы управления духовенством шиитского и суннитского направлений в Закавказье, которые не распространялись на Черноморскую губ., Дагестанскую, Батумскую и Карскую области, а также Закатальский и Сухумский округа.

² Александров И. О наibaх в Крыму // Мир ислама. Т. 1. СПб., 1912. № 1. С. 669–670; Александров И. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России // Известия Таврической учёной архивной комиссии (далее — ИТУАК). 1914. № 51. С. 207–220; Александров И. К истории учреждения Таврического магометанского духовного правления // ИТУАК. 1918. № 54. С. 316–355; Кричинский А. Очерки русской политики на окраинах. [В 2 ч.]. Ч. 1. К истории религиозных притеснений крымских татар. Баку, 1919.

конфессиональной политики правительства до 1905 г. включительно³, Д.М. Усмановой — при анализе законодательской деятельности депутатов-мусульман в Государственной думе, в кандидатской диссертации З.З. Хайрединовой — при освещении истории Таврического магометанского духовного правления (ТМДП)⁴.

Мой исследовательский интерес⁵ к этой теме появился в ходе подготовки к публикации отчёта чиновника особых поручений при министре внутренних дел В.В. Вашкевича⁶, командированного в 1891 г. в Таврическую губ. с целью изучения исламских религиозных институтов и составления проекта реформы управления духовными делами крымских татар⁷. Благодаря общению с членами и сотрудниками религиозного управления, чиновниками, духовными лицами и крымскотатарскими общественными деятелями Вашкевич написал научный труд, основанный на материалах архивов местных учреждений⁸, справок, составленных по его указанию сотрудниками ТМДП. Автору удалось создать целостную картину социального положения приходского духовенства в системе исламских институтов Тавриды. Огромное научное значение имеют приложения его отчёта, где представлены тексты документов конца XVIII — первой половины XIX в., извлечённые из местных архивов, а также статистические таблицы, составленные по его указанию. Некоторые из документов позднее были опубликованы.

Манифест от 8 апреля 1783 г. гарантировал мусульманам охрану и защиту их лиц, храмов и веру, «коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно»⁹. Это означало утверждение новых

³ Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М., 2004; Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001.

⁴ Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной думе России (1906–1917). Казань, 1999; Хайрединова З.З. Возникновение и развитие Таврического магометанского духовного правления (конец XVIII — начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 2004.

⁵ Загидуллин И.К. Особенности формирования мусульманского «наследственного» духовенства в Тавриде в 1783–1831 гг. // Минбар. Исламские исследования. Т. 11. 2018. № 4. С. 724–740; Загидуллин И.К. Динамика численности мусульманского крымскотатарского приходского «наследственного» духовенства во второй половине XIX — начале XX вв. // Научный Татарстан. 2018. № 2. С. 56–65; Загидуллин И.К. О записке крымских мурз по реформированию системы образования мусульман 1867 года // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 11(85). С. 63–65; Загидуллин И.К. О проектах реформирования управления духовными делами крымских татар в 1865–1869 гг. // Ислам в современном мире. Т. 14. 2018. № 1. С. 25–44.

⁶ См.: Загидуллин И.К. В.В. Вашкевич — первый российский исследователь крымскотатарского духовенства нового времени // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов. Труды X всероссийского съезда востоковедов, посвящённого 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана (Уфа, 7–10 октября 2015 г.). Кн. 2. Уфа, 2015. С. 25–28.

⁷ Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: рапорт В.В. Вашкевича. Сборник документов / Сост. И.К. Загидуллин. Казань, 2016.

⁸ Поражает объём изученных Вашкевичем документов. В описях архивов Комиссии для разбора споров о землях (за 1802–1851 гг.), канцелярии Новороссийского генерал-губернатора (конец XVIII в.), канцелярии Таврического губернатора (за 1803–1831 гг.), Таврического губернского правления (за 1882, 1887 и 1890 гг.), Таврического магометанского духовного правления (за 1809–1884 гг.), Симферопольского и Евпаторийского уездных по воинской повинности присутствий (за 1891 г.) он выявил 13260 дел, из которых подробно изучил 3230.

⁹ ПСЗ-I. Т. 21. № 15708.

форм взаимодействия не только с элитами, но и с религиозными институтами. В концептуальном плане манифест являлся логическим продолжением декларируемой идеологией «просвещённой монархии» идеи о веротерпимости, изложенной в отношении к исламу в указе Екатерины II от 17 июня 1773 г.¹⁰

Следует отметить, что в сфере религиозных институтов правительство в целом оставалось верным манифесту 8 апреля 1783 г. Несмотря на гарантию неприкосновенности традиционного религиозного уклада крымских татар, социальное поведение и общественное мнение коренного населения о перспективах проживания в Российской империи формировалось под воздействием всего комплекса факторов. Поэтому в рамках заявленной в настоящей статье темы, рассматриваемой в контексте истории исламских институтов крымских татар в составе Российской империи, правомерно выделить периоды: адаптационный (1783 г. — вторая треть XIX в.) и стабильный (последняя треть XIX в. — 1917 г.). Хронологические рамки адаптационного периода определяются движениями мухаджиров¹¹, среди которых выделяются повторяющиеся эмиграционные «волны» 1784–1786¹² и 1860–1861 гг.¹³ Итогом стало превращение крымских татар в малочисленный народ в России¹⁴ и локальную группу жителей Таврической губ.¹⁵ Движения мухаджиров привели к невосполнимым потерям интеллектуальных и людских ресурсов, сокращению численности исламских институтов¹⁶, хаосу в управлении вакуфами¹⁷, изменениям в составе крымскотатарского духовенства.

Важно подчеркнуть, что изначально российские власти весьма лояльно относились к местному населению¹⁸. Администрация доверила управление духовными делами крымских татар и ногайцев переназначенным в 1784 г.

¹⁰ Там же. Т. 19. № 13996.

¹¹ Мухаджиры (*араб.*) — выселившиеся. В данном случае речь идёт о вынужденных переселенцах из Тавриды в Османское государство.

¹² *Озенбашлы А.* Кырым фаджиасы. Сайлама эсерлер (Трагедия Крыма. Избранные произведения). Из истории трагической судьбы крымскотатарского народа. Симферополь, 1997. С. 55.

¹³ О выселении крымских татар из Крыма в 1860 году. Записка генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена. Сообщил С.П. Зыков // *Русская старина*. 1893. Июнь. С. 536–537; *Сергеев А.* Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 годах // *ИТУАК*. 1913. № 49. С. 210.

¹⁴ К 1805 г. в Тавриде крымских татар и ногайцев мужского пола проживало 73 681 человек (*Александров И.* К истории учреждения Таврического магометанского духовного правления. С. 353). К 1866 г. насчитывалось мусульман обоего пола 102 951 человек (38,8% от прежнего состава до начала эмиграции в 1858 г.). Вследствие выезда практически всех ногайцев в этническом плане мусульмане были представлены крымскими татарами (Материалы по вопросу об образовании крымских татар, извлечённые из дел Таврической дирекции училищ и других местных источников директором Таврических училищ Марковым // *Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев*. СПб., 1869. С. 101–102).

¹⁵ В 1897 г. в Таврической губ. мусульмане составляли 13,2% жителей (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XLI. Таврическая губерния. СПб., 1904. С. XI–XII).

¹⁶ В 1805 г. в Тавриде насчитывалось 1 556 мечетей, 5 136 духовных лиц (*Александров И.* К истории учреждения Таврического магометанского духовного правления. С. 355). В 1891 г. действовало 755 мечетей, при них служили до 1 200 духовных лиц (Мусульманское духовенство Таврической губернии... С. 48, 72).

¹⁷ *Конкин Д.В.* Вакуфное землевладение в Крыму в конце XVIII — начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 2013. С. 75–142.

¹⁸ *Крючков А.В.* Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство: последняя треть XVIII — начало XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 161.

в своих должностях муфтию¹⁹ и кади-эскеру²⁰, которые начали получать жалование в рублях. Однако создание в том же году Таврической области в составе новых административных единиц — пяти уездов — вместо прежних четырёх десятков судебно-административных округов (кадылыков) привело к трансформации прежней системы контроля и определения на духовные должности.

В 1792 г. таврический генерал-губернатор гр. П.А. Зубов ходатайствовал о назначении на должность муфтия кади-эскера и избрании вместо кади-эскера шести эфендиев, которые под представительством муфтия «составляли бы духовную в Тавриде Консистирию». Правительство приняло половинчатое решение: новые пять штатов эфендиев выделили без учреждения Духовного правления²¹.

После первой волны эмиграции 1784–1786 гг. наметились структурные изменения в организации религиозного уклада местного населения. Новыми явлениями стали практика выполнения хатибами²² по совместительству функций имамов²³ и «двойное совместительство», когда одно и то же духовное лицо совмещало обязанности в своём и соседнем приходах. В условиях возникшего кадрового дефицита по договорённости с обществом прихода хатибами и имамами становились муэдзины²⁴, служители при мечетях²⁵ или лица, умеющие читать Коран и исполнять обряды. Изменился порядок определения на духовные должности, ориентированного теперь на утверждение подготовленных религиозных кадров. Если в ханский период роль первой скрипки играл муфтий, назначавший имама по итогам экзамена, и подчинённые ему институты, то сейчас хозяином положения стало общество прихода. В частности, в 1811 г. таврический муфтий Сеит Мустафа Челеби жаловался, что в ходе ревизии 1795 г. «много в числе духовенства помещено было таких, кои вовсе по незнанию наук, для духовенства предписанных, в духовном звании быть неспособны», одновременно прихожане переводили в податное сословие духовных лиц, потерявших их доверие²⁶.

В этой связи обращение в 1796 г. депутатов от местного дворянства к императрице об удовлетворении насущных просьб и социальной защиты единоверцев, в том числе о предоставлении духовным лицам льготы от уплаты налогов, явилось стремлением лояльных к новой власти представителей элиты комплексно решить возникшие проблемы в крымскотатарском обществе.

¹⁹ Таврический муфтий — духовный глава крымских татар и ногайцев в Таврической губ., с 1831 г. — председатель ТМДП, духовный глава мусульман Западных губерний.

²⁰ В Российской империи кади-эскер — второе лицо в иерархии крымскотатарского духовенства, с 1831 г. — заместитель таврического муфтия, председателя ТМДП.

²¹ ПСЗ-I. Т. 22. № 17274.

²² Хатиб — духовный руководитель прихода, заведующий соборной (джами) мечетью, читает хутбу, проповедь в мечети, руководит пятничной полуденной молитвой прихожан и другими праздничными богослужениями.

²³ Имам — духовный руководитель прихода, заведующий пятивременной мечетью, руководитель общественной молитвы.

²⁴ Муэдзин (маязин) — служитель мечети, провозглашающий азан, символ веры мусульман, и призывающий мусульман на молитву в определённые часы. Помимо прямых обязанностей по собранию верующих, он объявлял о начале общественной молитвы.

²⁵ Ферраши, каюмы — сторожа при мечетях, наблюдающие за их чистотой и в случае отсутствия муэдзина исправляющие его обязанности.

²⁶ Загидуллин И.К. Особенности формирования... С. 731, 732.

Предоставление указом от 17 сентября 1796 г. духовным лицам льготы от уплаты налогов означало появление в государстве нового привилегированного сословия, что, откровенно говоря, не вписывалось в алгоритм государственно-церковных отношений²⁷, в котором ислам, будучи нехристианской религией, занимал третью строчку после православия и «инославных» конфессий. Поэтому указ правомерно оценивать не только как высшую точку попечения императрицы об исламе, но и как признание Екатериной II необходимости обеспечения «мягкого вхождения» края в политико-правовое поле империи.

Муфтий Сеит Мустафа Челеби, согласовав вопрос с властями, издал циркуляр от 20 июля 1811 г. о проверке эфендиями знаний по исламским наукам всех духовных лиц в ходе проведения шестой переписи населения с правом смещения и записи в ревизские сказки духовными лицами по итогам испытания «более достойных» поселян и мещан.

По-видимому, в 1811 г. не удалось качественно обновить весь состав приходского духовенства. Желая препятствовать бесконтрольным действиям религиозных обществ, таврические муфтии стали настаивать на определении имамами и хатибами исключительно сыновей духовных лиц как гарантию подготовленности кандидата к пастырской службе благодаря полученному под контролем отца религиозному образованию.

В рамках кодификации законов 23 декабря 1831 г. состоялось высочайшее утверждение «Положения о Таврическом магометанском духовном правлении²⁸ и порядке отправления подлежащего ведению его дел». Согласно ему и на основании указа от 17 сентября 1796 г. за крымскотатарским духовенством был закреплён его обособленный привилегированный статус. Представители данной корпоративной группы освобождались от всех податей, повинностей (§ 6) и телесного наказания (§ 48, 49). Право принадлежности к духовенству основывалось на происхождении и доказывалось ревизскими сказками (§ 7). Новый закон сделал правилом определение на духовные должности сыновей и внуков высшего (муфтий, кади-эскер, уездные кадии²⁹), приходского (хатибы, имамы, муэдзины) духовенства, служителей при мечетях, начальников текий³⁰ — шейхов³¹. Закон уточнял, что хатибами, имамами и муллами³² могут быть только лица, происходящие из духовенства (§ 41). Для получения зва-

²⁷ В округе ОМДС духовенство не пользовалось льготами от налогов и было приписано к тем сословиям, из которых их определили на духовные должности.

²⁸ Помимо крымских татар и ногайцев Тавриды, ТМДП были подчинены и исламские институты литовских татар в Западных губерниях.

²⁹ В 1831 г. институт уездных эфендиев был заменён уездными кадиями, также получавшими казённое жалованье. Кадии — средний, уездного уровня институт управления в Таврической губ., призванный осуществлять взаимодействие между ТМДП и приходским духовенством. Они избирались обществами из числа наиболее авторитетных духовных лиц уезда. Однако в «Положении» 1831 г. не были прописаны их полномочия по надзору за местным духовенством и религиозно-обрядовой жизнью прихожан. Как правило, кадии решали спорные дела мусульман и духовных лиц. Симферопольский кадий являлся постоянным членом ТМДМ, принимал участие во всех его заседаниях. Остальные четыре уездных кадия раз год приглашались на общее собрание ТМДП для окончательного решения дел, остававшихся по разным причинам не рассмотренными.

³⁰ Текие — обитель дервишей, суфиев.

³¹ Шейх — руководитель общины дервишей.

³² В списке крымскотатарского духовенства муллы не значились, так именовалось лично свободное от налогов и повинностей на период несения службы мусульманское духовенство Западных губерний, входивших в округ ТМДП.

ния хатиба, имама, муллы и мударриса³³ было необходимо согласие приходского общества, выраженное в общественном приговоре, удостоверение ТМДП «по правилам, на сей случай постановленным», и утверждение губернского правления (§ 42). При утверждении в низшие духовные звания требовались только согласие приходского общества и удостоверение приходских хатибов, имамов или мулл, которые затем утверждались ТМДП (§ 42)³⁴.

Итак, вопросы определения на должности хатиба, имама, муллы и мударриса решались таврическим губернским правлением, муэдинов, мечетских служителей — ТМДП. Хатибы, имамы и муллы приводились к присяге в уездных судах в присутствии уездного стряпчего (§ 45), при назначении к должностям низшего духовенства — муэздина, мечетских служащих — присяга не требовалась³⁵.

Оказалось, что к этому времени 864 лица различных сословий уже занимали приходские должности. Со ссылкой на «Положение» 1831 г. и факт отсутствия испытания на духовное звание таврический муфтий потребовал обязать приходские общества избирать вместо них лиц «из духовного происхождения». Однако под предлогом того, что со стороны прихожан «не было жалоб в незнании ими магометанского закона», правительство в 1833 г. причислило их «лично» к духовенству, лишив такого права их детей³⁶. Как видим, большая группа лиц была официально легализована властями.

В период правления Николая I появились инициативы по упразднению привилегированного статуса крымскотатарского духовенства и обложения их положенными податному населению налогами³⁷. Ответной реакцией правительства стало принятие закона от 24 мая 1848 г.³⁸, согласно которому льготами от уплаты налогов из числа «наследственного» духовенства могли пользоваться только занимающие духовные должности лица и их сыновья, а также старшие члены семей не служащего духовенства. Все другие категории их родственников попадали под фискальный контроль государства и были обязаны в течение года приписаться в другое сословие, безвозвратно потеряв право перейти в «наследственное» духовенство. Исключение делалось лишь для тех, кто в установленном порядке избирался на приходскую должность, но мог рассчитывать на льготы лишь на время духовной службы³⁹.

Известно, что в 1858 г. в Крыму насчитывалось 3553 человека служащего духовенства, в том числе в городах — 119 человек. Они состояли при 1200 мечетях. После массового движения мухаджиров 1860–1861 гг. произошло резкое сокращение численности исламских институтов. Даже спустя 30 лет, в 1891 г., насчитывалось лишь 755 мечетей (по сравнению с 1858 г. их убыль составила 78,7%) и 700 представителей служащего «наследственного» духовенства (убыль на 80,3%)⁴⁰. Они составляли 58,3% всего служащего духовенства в губернии. Из

³³ Мударрис — преподаватель медресе.

³⁴ ПСЗ-П. Т. 6. Отд. 2. СПб., 1832. № 5033.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Т. 8. Отд. 1. СПб., 1834. № 6466.

³⁷ *Кравчук А. С.* К биографии таврического гражданского губернатора Матвея Матвеевича Муромцова // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Исторические науки. Т. 1(67). 2015. № 4. С. 21, 27, 29.

³⁸ ПСЗ-П. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1849. № 22297.

³⁹ Мусульманское духовенство Таврической губернии... С. 79.

⁴⁰ Там же. С. 48, 49.

них 78 мулл и 20 муэдзинов жили в городах, 483 мулл и 119 муэдзинов служили при сельских мечетях⁴¹.

Согласно материалам X ревизии (1858), в Таврической губ. насчитывалось 12 875 членов семей «наследственного» духовенства, к 1890 г. их количество сократилось до 5 857 человек (на 54,5%). Между тем численность мужского крымскотатарского населения с 1863 по 1896 г. выросла с 56 563 до 103 736 человек (на 183,4%)⁴². Поэтому правомерно говорить об активном участии в эмиграции 1860–1862 гг. духовных лиц, а также о прекращении всеми их потомками духовной службы⁴³.

Первые обращения религиозных общин к властям с просьбой о разрешении лицам податных сословий занимать духовные должности зафиксированы в 1861 и 1863 гг.⁴⁴

В 1860-х гг. из-за дефицита духовных кадров сельскими обществами Перекопского и Ялтинского уездов в мечетские служители «почти исключительно» избирались поселяне и мещане⁴⁵. При возникновении споров по внутриобщинному вопросу мусульмане обращались за консультацией в вышестоящие инстанции. Так, в 1864 г. мусульмане Евпатории задали властям следующий вопрос: должно ли лицо податного сословия, избранное на духовную должность, пользоваться льготами, если прихожане отказываются принять эти налоги и повинности? Крымские татары Алуштинской и Байдарской волостей Ялтинского уезда увязывали этот вопрос с упразднением привилегий местного духовенства⁴⁶.

Пытаясь найти выход из ситуации, жители Бахчисарая в 1865 г. также обратились к императору с просьбой реформировать систему управления духовными делами, один из пунктов которой предполагал избрание на приходские духовные должности лиц податных сословий. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор П.Е. Коцебу поддержал их, отметив, что из-за переселения в Османское государство мурз и дворян оставшимся на полуострове татарам придётся избирать духовных лиц из числа мещан и поселян⁴⁷. В 1866 г. ТМДП также высказалось за определение на духовные должности лиц без различия сословий с предоставлением всем этим лицам льгот, предусмотренных духовной корпорацией⁴⁸.

Представители властных структур подходили к проблеме с точки зрения государственных интересов. В частности, Коцебу видел в ликвидации духовной корпорации упразднение её сословных привилегий⁴⁹. Возглавлявший учебное ведомство Д.А. Толстой знал о намерении МВД пересмотреть сословный статус духовенства⁵⁰. Опережая события, с его подачи в «Правила о мерах к образова-

⁴¹ Там же. С. 72.

⁴² Загидуллин И.К. Динамика численности... С. 57–58.

⁴³ Следует учесть, что закон от 24 мая 1848 г. обрёл всё неслужащее наследственное крымскотатарское духовенство на естественное вымирание. Иначе говоря, семьи, в которых к 1858 г. умер глава семейства, были приписаны в крестьянское или мещанское сословие в зависимости от места прописки.

⁴⁴ РГИА, ф. 821, оп. 150, д. 408, л. 35 об.–36.

⁴⁵ Там же, л. 34.

⁴⁶ Там же, оп. 8, д. 605, л. 42 об.–43.

⁴⁷ Там же, д. 1116, л. 31–32.

⁴⁸ Мусульманское духовенство Таврической губернии... С. 50.

⁴⁹ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 605, л. 42 об.–43.

⁵⁰ Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. М.; Л., 1936. С. 292.

нию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г.⁵¹ был включён пункт, предусматривающий возможность избрания в будущем на духовные должности лишь кандидатов, знающих русский язык, «хотя бы (они. — *И.З.*) и не происходили от лиц духовного звания»⁵².

Принимая во внимание представления таврических губернаторов о том, что с упразднением особого статуса духовных лиц снизится их «вредное влияние» на прихожан, министр внутренних дел А.Е. Тимашев 3 мая 1875 г. инициировал законопроект по отмене «наследственного» статуса крымскотатарского духовенства. В основе его инициативы лежала идея унификации положения религиозных институтов в Оренбургском и Таврическом духовных округах. Однако осложнение международной обстановки на Балканах и последовавшая затем Русско-турецкая война 1877–1878 гг. привели к тому, что этот вопрос отложили до более «благоприятных обстоятельств»⁵³.

Очевидно, что большинство приходских духовных лиц усердно исполняли свои обязанности. Однако привилегированный статус, закрытый характер духовной корпорации, уменьшение её численности вследствие вынужденной эмиграции и индифферентного отношения наследников к получению духовных должностей привели к острому дефициту духовных кадров. Претензии к «наследственному» духовенству имелись и у властей, и у местного населения. Губернское начальство было, с одной стороны, обеспокоено более высоким статусом мусульманского духовенства по сравнению с православными священниками, с другой — не могло отказать в сохранении традиционного религиозного уклада в приходах под руководством духовного лица. В рамках системной унификации статуса мусульманских институтов в различных регионах империи МВД планировало упразднить этот «нонсенс». Видевшее в тот период во владении русской грамотой имаме своего союзника, Министерство народного просвещения планировало ввести русский образовательный ценз для кандидатов на духовные должности.

Прихожане нередко страдали от нерадивых представителей «наследственного» духовенства, от которых практически невозможно было избавиться. В целом отсутствие конкуренции при определении на должность и механизма устранения от занимаемой должности способствовало пренебрежению некоторыми из представителей «наследственного» духовенства религиозным обучением и строгим соблюдением нравственных устоев традиционного общества. Расхождение поступков со словами проповеди дискредитировало таких лиц в глазах прихожан, не способствовало укреплению доверительных и уважительных отношений, препятствовало формированию дружественной атмосферы в религиозной общине.

Обеспеченность мечетей вакуфами не всегда играла положительную роль. Неотъемлемой частью религиозного уклада некоторых приходов становились «фиктивные имамы», которые, пренебрегая своими прямыми обязанностями, не желали обременять себя исполнением духовных треб у прихожан, нанимали для повседневной работы единоверцев, знакомых с обрядовой практикой⁵⁴.

⁵¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. СПб., 1877. Стб. 1556–1557.

⁵² Аграрный вопрос и крестьянское движение... С. 292.

⁵³ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1116, л. 36–36 об.

⁵⁴ Там же, д. 625, л. 167.

В 1860-х гг. в высших кругах крымскотатарской знати существовало устойчивое мнение о том, что все проблемы (пассивность, застой в мировоззрении, низкий уровень образованности имамов и хатибов) вызваны закрытостью духовенства, что, конечно же, не соответствовало действительности и являлось весьма утрированной оценкой социокультурной ситуации. Важно отметить, что на фоне нелицеприятного поведения некоторых представителей корпорации, которое резко контрастировало с народными представлениями о благочестивом, высоконравственном, образованном руководителе религиозной общины, прежде всего среди мурз сформировалось весьма неоднозначное представление о духовных лицах. В частности, в 1867 г. уездные предводители дворянства Арслан-бей Тащи оглу и Абдулвели мурза Карашайский рекомендовали постепенно отказаться от принципа наследственности крымскотатарского духовенства, предложив определять на духовные должности лиц всех сословий, окончивших медресе с русским классом обучения. «Тогда у нас все имамы, хатибы и кадии будут люди с образованием, которые и будут самыми надёжными двигателями к осуществлению того стремления, о котором теперь мы заботимся», — подчёркивали мурзы⁵⁵.

В 1883 г. некоторыми мусульманскими приходами Ялтинского и Евпаторийского уездов были составлены ходатайства, адресованные в высшие инстанции. В них утверждалось, что с отменой наследственности «уничтожится кастовая его обособленность и господствующее в нём невежество»⁵⁶. То же в 1891 г. заявляли председатель губернской земской управы Стевин, председатель «Особой комиссии о вакуфах» Ф.С. Голицын, члены местной земской управы Асан ага Абдурахманчиков, мирза Али бей Булгаков, подполковник Исмаил Муфтий-Заде, Исмаил бей Гаспринский и хатиб в Симферополе Мемет эфенди⁵⁷. Как видим, замкнутостью и обособленностью духовенства они объясняли низкий уровень образованности приходских имамов и неприятие ими новых явлений, вызванных модернизацией общества.

Очевидно, русские чиновники и татарские общественные деятели поразному оценивали понятие «мрак» («невежество»). Если для первых это слово означало закрытость мусульманского духовенства по отношению к русской культуре, незнание большинством мулл государственного языка, следовательно, невозможность полноценного диалога⁵⁸, то для вторых — невыполнение улемами миссии по продвижению народа к прогрессу в качестве лидеров общины. В этой связи И. Гаспринский, идеолог обновления общественной жизни мусульман России (джадидизм), подчёркивал: «Просвещённый, честный и нравственный мулла может принести громадную пользу своему приходу: он учитель, советник, юрист, проповедник и образец хорошей жизни. Как учитель он сеет грамоту; как проповедник он поучает (или должен поучать) людей к нравственной, трудовой жизни, вести их к совершенствованию и прогрессу; как юрист и судья он сглаживает столкновения, устанавливает право, порядок... Они могут вести народ ко всему хорошему; но могут так же своим бездействием и своим упадком деморализовать тёмное население и вести его

⁵⁵ Загидуллин И.К. О записке крымских мурз... С. 64.

⁵⁶ РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 503, л. 52 об.

⁵⁷ Мусульманское духовенство Таврической губернии... С. 50.

⁵⁸ В 1891 г. только 10% крымскотатарского духовенства умели читать и писать по-русски (Там же. С. 130).

к гибели духовной и материальной»⁵⁹. Как видим, для джадидистов критика «наследственности» мусульманского духовенства являлась составной частью их идеологической борьбы с традиционалистами. В этот лагерь они записывали практически всю крымскотатарскую духовную корпорацию, мешающую своим монопольным положением занимать приходские должности новому поколению религиозных деятелей, готовых принять вызовы времени.

В конце XIX в. губернские власти сильно беспокоило нарушение закона при назначении кандидатов на должности приходского духовенства. Специфическую ситуацию, сложившуюся в этой сфере государственно-исламских отношений, красноречиво охарактеризовал в 1890 г. таврический губернатор П.М. Лазарев: «Во многих мечетях духовные должности исполняются лицами, допущенными и утверждёнными к тому Магометанским духовным правлением без ведома и утверждения губернского правления, а в некоторых мечетях даже лицами недуховного звания... Причина этого кроется в том, что в среде магометанского духовного сословия не находится лиц, достаточно удовлетворяющих закон — что подтверждается достаточно значительным количеством поступающих в губернское правление общественных приговоров об избрании на духовные должности поселян»⁶⁰.

Желая навести порядок в этом хаосе, Лазарев в феврале 1890 г. возбудил перед МВД ходатайство об изменении действующего законодательства с целью допуска на приходские должности лиц, происходивших из недуховного звания. По его указанию в октябре 1890 г. местное губернское правление предписало уездным полицейским управлениям запретить богослужение в мечетях духовным лицам из податных сословий. Однако вскоре, опасаясь волнений в среде мусульман, губернатор был вынужден секретным предписанием отменить это постановление губернского правления⁶¹.

В начале 1890-х гг. Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) участвовал в решении нескольких вопросов, имевших отношение к религиозным институтам крымских татар. Так, на основании представления Лазарева, считавшего, что совместительство должностей в соседних приходах не дозволено действующим законодательством, и поэтому духовное лицо не в состоянии своевременно исполнять возложенные на него обязанности, в 1890 г. министр внутренних дел И.Н. Дурново запретил практику совмещения приходских должностей⁶². В 1891 г., под предлогом необходимости завершить упорядочение в Тавриде вакуфных имуществ «Особой комиссией о вакуфах» и осуществить разрабатываемый проект преобразования религиозного управления, МВД отвергло предложение учебного ведомства о передаче в его ведение конфессиональных школ крымских татар⁶³. Согласно высочайшему указу от 27 мая 1891 г., проект которого был подготовлен ДДДИИ, кандидаты на должности таврического муфтия и кади-эскера впредь высочайше утверждались по рекомендации министра внутренних дел, без какого-либо согласования с мусульманами⁶⁴. Ранее, 5 апреля 1891 г., были высочайше утверждены «Правила

⁵⁹ Тарджеман-Переводчик. 1887. 11 января.

⁶⁰ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 625, л. 87.

⁶¹ Там же, л. 87—87 об.

⁶² Мусульманское духовенство Таврической губернии... С. 70.

⁶³ Там же. С. 105.

⁶⁴ ПСЗ-III. Т. 11. СПб., 1894. № 7754.

заведования вакуфными имуществами», регламентирующие механизм государственного контроля за вакуфными земельными угодьями⁶⁵.

Видимо, при подготовке этих документов у директора ДДДИИ кн. М.Р. Кантакузена, гр. Сперанского⁶⁶, привыкшего комплексно подходить к решению проблем, возник план реформирования исламских институтов в Таврической губ., в том числе упразднения привилегий духовенства. Причиной отмены здесь привилегированного мусульманского сословия, по мнению Кантакузена-Сперанского, являлись: 1) фискальная проблема: незаслуженное и несправедливое пользование членами семей мусульманского служащего духовенства предоставленной правительством льготой по уплате налогов и повинностей; 2) отягощение «магометанского общества» сословным духовенством и его «бесполезность»; 3) несостоятельность ранее принятых законодательных актов, направленных на сокращение крымскотатарского духовного сословия; 4) игнорирование российского законодательства в вопросе регулирования религиозно-обрядовой жизни крымских татар⁶⁷, т.е. бессилие имперской власти и нарушение губернской администрацией российских законов.

Кантакузен-Сперанский был обеспокоен также «опасностью» проникновения в Таврическую губ. «более фанатичных оренбургских мулл» (т.е. мулл из Волго-Уральского региона. — *И.З.*) и предлагал «ограничить право избирать в служители крымских мечетей только крымских уроженцев, русских подданных, с соблюдением при этом ныне действующих правил о возрасте кандидатов и политической их благонадёжности». Вопросы утверждения или удаления от духовной должности, по его проекту, переходили в компетенцию местного губернатора⁶⁸.

По распоряжению министра внутренних дел 11 сентября 1891 г. В.В. Вашкевич был командирован в Симферополь для выяснения вопроса о том, насколько проектируемые реформы соответствуют потребностям местного населения и будут ли они успешно реализованы⁶⁹. Возвратившись в столицу, в декабре 1891 г. Вашкевич представил свои соображения по этому поводу. Чиновник в целом нелестно охарактеризовал представителей духовенства и настоятельно рекомендовал своему начальству отменить его «наследственность», дозволить замещение мечетских должностей лицами без различия сословий. При этом он оценивал и «наследственное», и ненаследственное приходское духовенство как единую по своим идеологическим воззрениям группу крымских татар, не выделяя среди них консерваторов или прогрессистов⁷⁰. Вслед за Кантакузен-

⁶⁵ Свод уставов духовных дел иностранных исповеданий. По прод. 1906 г. // Свод законов Российской империи. Т. IX. Ч. 1. Приложение к ст. 1391.

⁶⁶ М.Р. Кантакузен-Сперанский занимал должность директора ДДДИИ с 1882 по 1894 г.

⁶⁷ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 625, л. 121.

⁶⁸ Там же, л. 121 об.

⁶⁹ Там же, оп. 12, д. 262, л. 120 об.—121.

⁷⁰ Полезность данной меры, с «государственной точки зрения», Вашкевич объяснял следующим образом: «Во 1-х, что существование в Крыму татарского духовенства, как собрания лиц не только должностных, но и облечённых заранее духовным званием, поддерживает то, чему правительство постоянно противодействовало, т.е. размножению магомет[анских] духовных; во 2-х, что с упразднением наследственности означенного духовенства, несогласной ни с воззрениями магометан вообще, ни с пользами крымских татар и существующей лишь *proforma*, устранится нежелательный обход действующего о сей сословности закона, в сущности несостоятельного, и что, по сему, в 3-х, отмена сего закона представляется настоятельно необходимою, а означенными ходатайствами следует воспользоваться как средством к уничтожению той привилегии Крымско-

Сперанским Вашкевич предложил распространить привилегии только на служащее духовенство. Сыновей их, в случае непоступления на духовную службу, рекомендовалось приписать к податному сословию, сделав исключение только для детей муфтия как лица, назначаемого высочайшей властью⁷¹.

В осуществлении реформы управления духовными делами крымских татар ДДДИИ избрал «пошаговый принцип» — законотворчество по отдельным аспектам организации социальной жизни религиозных общин. В феврале 1893 г. начальник отделения ДДДИИ И.М. Платонников был командирован в архив Государственного совета для выявления и выписки материалов, имеющих отношение к таврическому мусульманскому духовенству⁷². Проанализировав эти документы, 13 апреля 1893 г. МВД обратилось в Министерство юстиции с запиской об отмене наследственности мусульманского крымско-татарского духовенства⁷³ — с готовым текстом законопроекта для представления в Государственный совет. «Принимая во внимание, что 1) существование в Крыму татарского духовенства как собрания лиц, не только как духовных лиц, но и облечённых заранее духовным званием, поддерживает то, чему правительство постоянно противодействовало, т.е. размножению магомет[анских] духовных лиц, 2) что с устранением наследственности означенного духовенства, не согласной ни с воззрениями магометан вообще, ни с пользами крымских татар, устранится нежелательный обход о сей сословности закона, в сущности, несостоятельного, 3) разрешение избирать служителей при мечетях из светских лиц не только не будет противоречить шариату, но и окажет, с одной стороны, существенную пользу в деле противодействия развитию фанатизма между мусульманами, поддерживаемого духовенством, с другой — приведёт к необходимости духовных лиц изучать не только Коран, но и грамоту, чем они теперь нередко пренебрегают, сознавая за собой неотъемлемое право только по происхождению занимать должности служителей при мечетях», — такими аргументами Дурново обосновывал необходимость отмены действующего порядка⁷⁴. Главный его посыл заключался в том, что после выявления точного списка сословия служащих духовных лиц освободить на период несения духовной службы их лично от податей и повинностей, за исключением воинской, а остальных членов приписать в установленный законом срок к податным сословиям⁷⁵.

Министерство юстиции поддержало инициативу Дурново⁷⁶. Между тем ответ Министерства финансов, также с положительным заключением, перевернул представление чиновников о привилегированном статусе таврического духовенства, заставив по-новому взглянуть на проблему. Оказалось, что чиновники упускали из вида новые принципы налогообложения. В 1874 г. рекрутская повинность была заменена всесословной воинской повинностью, которая распространялась на мусульманское духовенство, но от которой освобождались

го магом[етанского] духовенства, какой не пользуются татары ни Оренбургского и Закавказского округа, ни даже Западных губерний, входящих в состав Таврического духовного округа» (Мусульманское духовенство Таврической губернии... С. 51).

⁷¹ Там же. С. 80.

⁷² РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 625, л. 98–98 об.

⁷³ Там же, л. 138–153.

⁷⁴ Там же, л. 151–152 об.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, л. 154–154 об., 156.

священники. В 1885 г. упразднили подушную подать, объектом казённых сборов, налога на недвижимость и поземельного налога стало имущество, при этом сословная принадлежность собственника не принималась во внимание. Аналогичный принцип действовал в земском налогообложении. Это означало отсутствие сословных привилегий у крымскотатарского духовенства по уплате основных налогов. Привилегии могли распространяться лишь на несколько несущественных налогов, собираемых по подушному принципу: по натуральным земским и общественным сборам и повинностям⁷⁷.

Справка Земского отдела МВД от 9 сентября 1893 г. окончательно рассеяла сомнения чиновников относительно привилегий «наследственного» таврического духовенства. Мирские и натуральные повинности подлежали сбору между членами сельского общества или лицами, приписанными к волости. После отмены наследственности и приписки духовных лиц к крестьянскому или мещанскому сословию местное общество имело право освободить их от уплаты налогов⁷⁸.

Итак, аргументы Министерства финансов и Земского отдела МВД сняли с повестки отмену «наследственности» крымскотатарского приходского духовенства, что означало сохранение обычного права при назначении кандидатов из недуховного сословия на приходские должности при сохранении преимущества лиц духовного звания. Видимо, для столичных чиновников ключевым являлся вопрос упразднения льготы по налогообложению, что для православного государства имело и политический оттенок, а проблема дефицита духовных кадров в крымскотатарских приходах была второстепенной.

Тему «закрыли», а проблема осталась. Заменивший в 1902 г. Лазарева на посту таврического губернатора В.Ф. Трепов 16 октября 1903 г. также обратился к директору ДДДИИ по поводу изменения порядка и допущения на приходские должности лиц недуховного сословия. Административную практику местного губернского правления по определению на духовные должности лиц из других сословий МВД в ответе 3 декабря 1903 г. объяснило тем, что закон о замещении приходских должностей духовенством не имеет в виду категорического требования, а составляет прежде существовавший у крымских татар порядок определения к духовным должностям⁷⁹.

В собрании крымских татар, состоявшемся 7 апреля 1905 г. в Симферополе, было заявлено о предоставлении права избираться на приходские духовные должности всем достойным мусульманам без различия сословий с предоставлением им права «наследственного» духовенства на пользование доходами с вакуфных имуществ. Крымскотатарскую депутацию, приехавшую в Санкт-Петербург для подачи петиции, возглавлял Гаспринский, который, превышая свои полномочия, составил 16 мая 1905 г. обновлённый текст ходатайства, адресованного в Комитет министров. В нём заявлялось не только о праве всех единоверцев занимать духовные должности, но и о необходимости упразднения сословных привилегий духовного звания (п. 4). Однако после подавления Первой русской революции правительство Николая II воздержалась от удовлетворения требований крымских татар⁸⁰.

⁷⁷ Там же, л. 157–158.

⁷⁸ Там же, л. 172–173 об.

⁷⁹ Государственный архив Республики Крым, ф. 27, оп. 3, д. 363, л. 3.

⁸⁰ Засидуллин И.К. Крымские татары в петиционной кампании мусульман 1905 года // Научный Татарстан. 2015. № 3. С. 22.

В начале XX в. под воздействием демократических преобразований и по мере усиления обновленческих тенденций всё больше приходских должностей стали занимать лица, не имевшие отношения к духовному сословию. Продолжали формироваться второе и третье поколения ненаследственного духовенства, старавшиеся обеспечить своих сыновей «тёплым местом», стабильным благосостоянием и высоким социальным положением в мусульманском сообществе. Известно, что в 1909 г. в Таврической губ. при 600 мечетях служили только 317 лиц духовного звания, что составляло менее одной трети (31%) всего духовного корпуса, а, например, в Феодосийском уезде они состояли лишь при 6 из 65 мечетей⁸¹.

Один из конфликтов между представителями «наследственного» духовенства приходов Бахчисарая и его округа, с одной стороны, и местными мусульманами — с другой, стараниями первых был доведён до сведения министра внутренних дел П.А. Столыпина. В своей жалобе от 29 мая 1909 г. они сообщали о нарушении закона из-за избрания обществами на должности приходского духовенства лиц из других сословий и ущемлении своих законных прав. К этому времени в правительственных кругах доминировали консервативные настроения, союзником государства признавались духовные лица-традиционалисты⁸², с которыми, очевидно, ассоциировались представители «наследственного духовенства». В результате, во исполнение предписания ДДДИИ таврическое губернское правление постановлением от 21 декабря 1909 г. потребовало от ТМДП ограничить допуск лиц недуховного сословия на приходские должности, обязав в конкретные сроки переизбрать туда лиц духовного звания⁸³. Из-за невозможности исполнения собственного постановления губернское правление дважды переносило сроки замены приходского духовенства.

В нашем распоряжении имеются, главным образом, прошения, составленные в 1909–1910 гг. «светскими мусульманами» под угрозой потери своих имамов и хатибов из числа лиц податных сословий, поэтому их оценка «наследственного» духовенства в целом негативная, что, несомненно, создаёт одностороннее представление о его религиозно-общественной деятельности. Тем не менее ходатайства выражают мнение определённых кругов крымскотатарского сообщества. По критическим суждениям невольно создаётся впечатление, что среди посвятивших себя духовной стезе сыновей имамов и хатибов насчитывалось немало тех, кто был вынужден заниматься религиозно-обрядовой практикой вследствие безуспешности попыток приобщиться к другому ремеслу. Думается, свою лепту в их дискредитацию вносили временно исполняющие должность духовные лица из податных сословий⁸⁴.

Среди крымскотатарских общественных деятелей на кризисную ситуацию одним из первых отреагировал Гаспринский, который 10 февраля 1910 г. подал директору ДДДИИ А.Н. Харузину прошение, текст которого перекликался с резолюцией собрания крымских татар, состоявшегося 7 апреля 1905 г. в Симферополе. Гаспринский предлагал заменить в уставе ТМДМ статью о назначении на приходские духовные должности следующим текстом: «В Таврической

⁸¹ РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 503, л. 2.

⁸² Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / Сост. И.К. Загидуллин, Р.М. Зялетдинова. Казань, 2015. С. 461, 462, 467.

⁸³ РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 503, л. 43 об.

⁸⁴ Там же, л. 9 об.

губернии в звание хатибов, имамов, мулл, маязинов и прочих служителей мечетей избираются: а) принадлежащие духовному званию и б) лица, принадлежащие к другим сословиям, без различия состояний, так же, как и в Западных губерниях. Лица магометанского духовенства, избранные и утверждённые из сословий мещан или крестьян, пользуются всеми законными правами, присущими магометанскому духовенству, пока они на действительной службе»⁸⁵.

В апреле 1910 г. группа мусульман во главе с депутатом III Государственной думы от Таврической губ. Исмаилом Муфтий-Заде обратилась к местному губернатору с просьбой о дозволении всем без исключения мусульманам занимать духовные должности, сохраняя привилегии «наследственного» духовенства. Предложенная ими формулировка легла в основу закона «О допущении к занятию мусульманских духовных должностей при мечетях округа Таврического магометанского духовного правления лиц всех состояний» от 27 января 1912 г.⁸⁶, официально утвердившего практику определения в Таврической губ. на духовные должности кандидатов из податных сословий.

Отмечу, что крымскотатарское «наследственное» духовенство — это в значительной степени искусственно зафиксированное российским законодательством явление, состав которого обновлялся при проведении пятой (1795) и шестой (1811) ревизий путём избрания на вакантные должности представителей податных сословий.

Традиция определения на приходские должности преимущественно сыновей духовных лиц привела к закреплению в 1796 г. в иерархической структуре России мусульманского духовенства Тавриды в качестве привилегированного сословия. Массовые движения вынужденной эмиграции крымских татар и ногайцев нанесли существенный удар по структуре и функционированию религиозных общин, в рамках которых организовывалась религиозно-обрядовая практика местного населения. Возникший острый дефицит в духовных кадрах стал одной из главных причин невозможности соблюдения принципа «наследственности» и привёл к увеличению в составе духовенства лиц из других сословий.

На рубеже XIX–XX вв., в условиях модернизации общества, проблема «наследственного» духовенства приобрела и идеологическое обрамление. Крымскотатарские модернисты видели в корпоративном духовенстве традиционалистов, обвиняли их в замкнутости, нежелании выступать в качестве лидеров обновления общества, сопротивлении распространению новых идей. В 1905 г. Гаспринский обратился в Комитет министров с предложением упразднить привилегии своему идеологическому оппоненту. В период реакционного внутриполитического курса правительства для устранения угрозы освобождения от занимаемых духовных должностей лиц податных сословий джадидисты предложили компромиссный, устраивающий все заинтересованные стороны, в том числе правительственные круги, вариант решения проблемы, позволивший лицам других сословий занимать приходские духовные должности при сохранении материальных льгот малочисленного «наследственного» духовенства.

⁸⁵ Там же, л. 2 об.

⁸⁶ ПСЗ-III. Т. 32. Отд. 1. Пг., 1915. № 36482.